

RU

Символ в современной онтологии культуры

Букин Д. Н., Медникова Ю. И., Млечко А. В.

Аннотация. Цель исследования - раскрыть роль символа в современной культуре, опираясь на философский метод категориального анализа. Научная новизна работы состоит в том, что при анализе символа, кода и структуры текста в целом традиционные методы филологии, герменевтики и феноменологии дополняются как классической диалектикой категориальных пар, так и неклассической онтологией, задающей экзистенциальные и социально-гуманитарные «координаты» исследования. В результате доказано, что различные по своей форме и содержанию литературные и математические тексты имеют общие онтологические основания, которые могут быть системно представлены в виде категориальных схем с сохранением возможности философско-антропологической и культурологической интерпретации конкретных символических форм.

EN

Symbol in Modern Ontology of Culture

Bukin D. N., Mednikova Y. I., Mlechko A. V.

Abstract. The aim of the study is to reveal the role of a symbol in modern culture, based on the philosophical method of categorical analysis. The scientific originality of the work lies in the fact that when analysing the symbol, code and structure of the text as a whole, the traditional methods of philology, hermeneutics and phenomenology are supplemented by both the classical dialectics of categorical pairs and non-classical ontology that sets the existential and social-humanities “coordinates” of the study. As a result, it has been proved that literary and mathematical texts, different in their form and content, have common ontological foundations, which can be systematically presented in the form of categorical schemes, while maintaining the possibility of philosophical, anthropological and culturological interpretation of specific symbolic forms.

Введение

Проблема изучения символа как элементарной единицы анализа текста давно стала актуальной не только для специалистов в различных областях филологии. Данная тема в различных аспектах обсуждается культурологами, психологами, юристами, математиками. Философ Э. Кассирер (2002) писал: «Если культура выражается в творении идеальных образных миров, определенных символических форм, то цель философии заключается не в возвращении к тому, что было до них, а в том, чтобы понять и осмыслить их фундаментальный формообразующий принцип. Лишь в этом сознании содержание жизни впервые обретает свою истинную форму» (с. 47). Это объясняется тем, что основу данных исследований составляет определенный инвариант совокупности принципов и подходов, позволяющих получать конкретные научные результаты, встраиваемые в общую систему гуманитарного (и не только) знания. В связи с этим необходим философский анализ проблемы, не сводящийся к классическим «трендам» герменевтики, феноменологии и прочим подобным подходам: на наш взгляд, необходимо привлечение наиболее общей, онтологической методологии.

Для достижения поставленной цели были определены задачи: 1) выявить онтологические инварианты и закономерности работы не только с художественными текстами, но и с символикой точных наук; 2) показать эвристическую ценность онтологического анализа текстов различной природы с привлечением категориальных пар «форма – содержание», «целое – часть», а также специально-научных понятий структуры и кода; 3) рассмотреть сравниваемые объекты исследования не только с формально-логической стороны, но и с позиций гуманитарной, экзистенциальной философской методологии.

Теоретической базой исследования послужили публикации отечественных и зарубежных авторов – философов и лингвистов, – посвященные работе с текстом как с целым, структурированным элементами различной степени дискурсивности (Лагутина, 2000; Ле Гофф, 2005; Тюпа, 2002; Эко, 2004); а также рассматривающие специально-философские, историко-математические и философско-математические проблемы (Мульд, 1973; Сагатовский, 2011; Стройк, 1990; Тимофеев, 1972; Фосс, 2009).

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего расширения контуров проблемного поля как филологами, так и культурологами, онтологами, математиками и другими представителями различных областей науки, а также для разработки общих и специальных курсов по философским дисциплинам, истории и теории культуры, теории и истории литературы и т.д.

Основная часть

Онтологическая проработка данной тематики потребует предварительного прояснения того, что мы понимаем под онтологическими основаниями вообще и под онтологическими основаниями рациональности в частности. Действительно, несмотря на достаточно широкое использование понятия онтологических оснований, единства мнений по-прежнему нет. С нашей точки зрения, под онтологическим основанием должно пониматься нечто порождающее и/или фундирующее, вне зависимости от того, какова его природа: материальная, идеальная, феноменальная, процессуальная и т.п. При этом, на наш взгляд, следует различать понятия *онтологических* и *онтических* (бытийных) оснований: даже этимологически греческое «логос» подразумевает по меньшей мере помысленное (а то и выраженное) *знание* о бытии, в то время как «онтический» артикулируется предельно объективированно, ноэтически. Другими словами, онтологические основания чего-либо – не *объективированная* часть мира, а скорее *способ* его данности. Тысячелетия рационального миропонимания показали, что способом такой инвариативной данности является не что иное, как предельно общие философские категории. Исследования, проведенные нами ранее, позволяют сделать вывод о том, что именно системы категориальных схем, замыкающих в своем логическом «пространстве» весь возможный универсум предельно абстрактных (вплоть до границ их возможной формализации) смыслов, образуют онтологические основания рациональности вообще. В настоящей работе мы будем рассматривать такие онтологические «пары», как содержание и форма, целое и часть, количество и качество, а также производные от них общенаучные термины «система», «структура», «число», «код» и т.д. Далее, исследуя роль символа в современной культуре, мы будем отталкиваться не только от его укорененности в бытии, но и покажем, как именно нашему сознанию становится доступна такая обусловленность.

Традиционно в символе заложена некая идея тождества обозначающего и обозначаемого (от древнегреческого «совместное бросание»), что позволяет нам генерировать *целостные* смыслы, продуцируемые в процессе сведения воедино кажущихся разрозненными элементов. Жак Ле Гофф (2005) отмечает: «Достаточно задуматься об этимологии слова “символ”, чтобы понять, какое большое место занимало мышление символами не только в теологии, в литературе и в искусстве средневекового Запада, но и во всем его ментальном оснащении. У греков “цимболон” означало знак благодарности, представлявший собой две половинки предмета, разделенного между двумя людьми. Итак, символ – это знак договора. Он был намеком на утраченное единство; он напоминал и взывал к высшей и скрытой реальности» (с. 400). Это «воззвание к скрытой реальности» по сути есть разворачивание «статичной» парменидовой онтологии бытия и мышления, артикулированной процессуально: «Символизм был универсален, мыслить означало вечно открывать скрытые значения, непрерывно “священнодействовать”» (с. 400). При этом неважно, о каком именно символе идет речь: поэтическом, социальном, математическом – с точки зрения *онтологии* культуры они вполне могут иметь одинаковый бытийный статус, безусловно различаясь в прочих плоскостях: гносеологически, филологически, эстетически и т.д. Остановимся на этом подробнее.

Что касается литературного текста, ряд авторов указывают на его «поливалентность» (Ц. Тодоров), «открытость» (У. Эко), и тот же «герменевтический круг» подразумевает отсутствие всякого «начала» текста, принципиальную множественность интерпретаций. Привнося в текст *экзистенциальное*, мы действительно работаем с *содержанием*, а не с *формой*: «Произведение искусства, представляющее как форма, завершенная и замкнутая в своем строго выверенном совершенстве, также является *открытым*, предоставляя возможность толковать себя на тысячи ладов и не утрачивая при этом своего неповторимого своеобразия. Таким образом, всякое художественное восприятие произведения является его истолкованием и исполнением, так как во всяком таком восприятии оно оживает в своей неповторимой перспективе» (Эко, 2004, с. 28). Подходя к работе с текстом строго онтолого-аналитически, следует учитывать, что категориальная пара «содержание – форма» не настолько «универсальна», как это принято считать. В. Н. Сагатовский (2011) справедливо указывает на то, что употребление этих терминов без уточнения стоящих за ними категориальных смыслов часто приводит к путанице и неопределенности, и дает их четкое определение: «1. Внутренняя Ф. (структура) и внутреннее содержание (состав). 2. С. как общее в данных разновидности... 3. Внешняя Ф. и внутреннее содержание как нечто существенное, скрытое за этой внешней Ф.» (с. 109). При анализе феноменов поливалентности и открытости текста мы намерены использовать только третье значение.

Математическая и формально-логическая символизация, также являющиеся значительной частью духовной культуры человечества, обладают рядом специфических характеристик, на первый взгляд резко отличающих их от символизации литературной в частности и художественной в целом. Возникает вопрос о том, насколько эти культурные области далеки друг от друга *онтологически*. Безусловно, смысловое содержание текста, постигаемого имманентно, так или иначе определяется *условиями* такого постижения: «Смысл – это отношение знака к понимающему сознанию, способному распознавать не только отдельные знаки языка,

но и упорядоченные конфигурации знаков. Так, слово в словаре обладает значением, но лишено смысла. Смысл оно обретает лишь в контексте некоторого высказывания – в сопряжении с другими знаками языка. Иначе говоря, смысл всегда контекстуален» (Тюпа, 2002, с. 5). В то же время даже художественный текст не может не быть ограничен *формально*: журнальной обложкой, фабулой романа, стереометрическими пропорциями скульптуры, цветовой гаммой полотна и т.п. Степень такой контекстуальности варьируется от предельно точной (номер, выпуск, том, цикл стихов и т.д.) до той, которая детерминирована включенностью текста в определенный культурный пласт (эмигрантская культура, национальная культура, субкультура и т.п.). Тем не менее, говоря об онтологии смысла, мы не можем отрицать сам факт осмысления сущности текста, картины, архитектурной композиции. Различение математических объектов «2+2» и «4» также следует искать не на уровне символов, а на уровне *сущности*, цифра является лишь одним (пусть и наиболее эффективным) из способов проявленности сущности *числа*. Историк математики А. Фосс (2009), опираясь на работы К. Якоби, К. Гаусса и А. Прингсхайма, писал: «Они [математические умозрения] раскрывают нам истины, которые коренятся в природе нашего духа, а посему обладают абсолютным значением. Нет другой науки, которая по богатству мыслей могла бы в этом отношении сравниться с математикой. Только в области художественного творчества встречаемся мы с аналогичным объективированием нашей подлиннейшей внутренней сущности» (с. 107). В самом деле, постижение объекта математики как эстетического феномена, вне всякого сомнения, обусловлено способностью пространственного (геометрического) видения мира (от греч. *aisthesis* – чувственное, в первую очередь *зрительное* восприятие): «Человек неолита обладал также острым чувством геометрической формы... Неолитические орнаменты радовали глаз, выявляя равенство, симметрию и подобие фигур... Такого рода орнаменты оставались в ходу и в исторические времена. Прекрасные образцы мы видим на дипилоновых вазах минойского и раннегреческого периода, позже – в византийской и арабской мозаике, в персидских и китайских коврах» (Стройк, 1990, с. 25). Прекрасна *сущностно* практически вся античная геометрия («прекрасные» треугольники Платона) и основанная на ней архитектура (зеркальная симметрия фронтонов в греческих храмах, учение Витрувия). За величием готических соборов XII века, пронизанных «чудесным» светом, льющимся сквозь витражи «опоясывающих» капелл, скрываются четко выверенная арифметика и геометрия равнобедренных треугольников, поворотной симметрии и т.п. Начиная с XV века художники Возрождения совершают настоящий прорыв в живописи, внося своей теорией перспективы огромный вклад в развитие проективной геометрии (Ф. Брунеллески, П. Уччелло, П. делла Франческа, Л. Альберти, Л. да Винчи, А. Дюрер, Р. Санти и др.). При этом их «математическая дисциплина» не уступает в строгости академической традиции – знаменитое «Не геометр да не войдет» находит новое звучание в изречении великого Леонардо: «Пусть никто, не будучи математиком, не дерзнет читать мои труды».

Однако наиболее четко онтологическое родство означаемого в математике и искусстве обнаруживается в *экзистенциальном* восприятии тех и других. Наряду с художественными формами рационального освоения действительности современное постнеклассическое математическое мышление проникает в глубокие слои человеческого и социального бытия в форме своеобразной «наносоизмеримости», то есть соизмеримости в каждый конкретный момент времени, эмоционального состояния, финансовой состоятельности и т.д. Математика «живет» вместе с человеком, выступая частью его личной культуры. Можно сказать, что наше сознание регулярно порождает (воспроизводит) новую для себя математическую реальность не только в онтологическом, но и в экзистенциальном смысле. Как иначе можно объяснить, например, что один и тот же человек использует в различных, но сходных ситуациях (измерение времени, определение даты и т.п.) и арабские, и римские цифры? При этом речь не идет о нерелевантном, неправильном использовании математической символики – человек *сам* выбирает, каким образом ее использовать для той или иной цели. Безусловно, он может это делать совершенно удобно, эстетическим наклонностям или традиции (так, у западных математиков принято обозначать производную в виде точки над знаками переменной или функции, в то время как отечественные математики предпочитают обозначения типа dx , $df(x)$, $f'(x)$ и т.п.). Однако если задуматься, римские цифры, знак дифференциала и т.п. в некотором отношении даже менее удобны своих аналогов, а точка в обозначении производной выглядит не намного «проще», чем штрих. Также может показаться странным, например, что учащийся вычисляет интеграл быстрее преподавателя – ведь последний не менее опытен, просто первому «повезло», и он интуитивно «нащупал» удачную замену переменной. Онтологическое сопрягается здесь не столько с социальным и аксиологическим, сколько с экзистенциальным, личным, уникальным.

Более глубокое проникновение в онтологические «слои» смысла приводит к необходимости использования более «тонкой» категориальной пары, на которую указывал В. Н. Сагатовский: «внутренняя форма (структура)» – «внутреннее содержание». Возьмем, к примеру, журнальный контекст произведения, изначально «кодируемый» автором на «прочтение» определенных смыслов. Ясно, что читатель «раскодирует» его по-своему, привнося свои смыслы, формируемые на уровне его личной и социальной культуры. Во втором случае имеет смысл говорить о некоем *социологическом коде*, так или иначе нивелирующем тот самый «конфликт интерпретаций», о котором писал еще П. Рикер. Само понятие кода взято из теории информации. Благодаря, в частности, Р. Якобсону и Ю. М. Лотману, оно прочно вошло в терминологию филологов, культурологов, философов. Спектр его использования весьма широк – от элементарной «цветовой» физики и акустики до нетривиальных культурологических кодов. Мы согласны с У. Эко (2004), отметившим, что «любое филологическое исследование может прибегнуть к помощи типологии, обеспечивающей описание кодов, согласно которым та или иная культура строит конкретные сообщения» (с. 405).

В качестве примера рассмотрим прочтение «Мессии» Д. С. Мережковского или «Приглашения на казнь» В. В. Набокова на кажущемся дискретным текстуальном пространстве «Современных записок» – известного

в прошлом столетии журнала русской эмиграции. Социологический код *русского текста*, «действуя» в рамках художественного, философско-публицистического, мемуарного и критического дискурса, трансформирует эти тексты в тексты о «революционном насилии», в *кризисные* тексты – с особой символикой, образностью и генетическим родством. Вне культурной ситуации русского зарубежья, без «кодовой прошивки» текста, например, в рамках антологии русской литературы для студентов вузов Индии, мы получим роман Набокова без «русской ауры» только в виде некоей фантастической (анти)утопической притчи.

Код математического текста также выполняет важную смыслопорождающую функцию: «Кодовое значение чисел с современной точки зрения не менее важно, чем их чисто количественное значение... При этом числа используются для наименования или нумерации, и их количественное значение не будет означать какого-либо количества у именованных таким образом предметов. Использование чисел для обозначения различных предметов в какой-либо классификации, нумерации телефонов, автомобилей, серийно выпускаемой продукции и т.п. – все это примеры подобного использования чисел, при котором количественное значение не является основным, и в отдельных случаях от него отвлекаются полностью... Номер телефона рассматривается как нечто целое, само по себе не имеющее количественного значения. Числами, обозначающими номера телефонов, не оперируют по правилам арифметики. Можно, конечно, сказать, например, что “номер моего телефона на 100 единиц больше номера телефона моего соседа”, или сложить номера двух телефонов, но вряд ли из этого выйдет что-либо значимое» (Тимофеев, 1972, с. 30-31). Другими словами, здесь важно различать *цифровой код* символа от сущности *числа* как такового.

Еще одним значимым теоретико-философским аспектом категориального анализа посредством пары «внутренняя форма (структура)» – «внутреннее содержание» является соположенность в тексте *целого* и *частей* (частей). Под целым в строгом онтологическом смысле мы будем понимать «сущее, сохраняющее свое качество».

Символ чаще всего репрезентативен, то есть он не просто отсылает нас к означаемому – при работе с ним происходит генерация *целостности* путем соединения разрозненных – или казавшихся разрозненными – элементов текста. Элементы этого потенциального целого выступают как части общего, определяемого как *мысль*: «Именно поэтому на первый план выступает проблема символа, основу которого и составляет подобный смысл – *динамичная структура целостного феномена*... Символическая система – структура символа – позволяет через один конкретный смысловой уровень представить всю систему, через часть показать целое, в особенном увидеть всеобщее, бесконечное воплотить в конечном, воссоздать целостный образ мира» (Лагутина, 2000, с. 11-18). Некоторые исследователи, в частности, А. И. Пигалев (2001), делают акцент на том, что «различные способы явленности целого обуславливают соответствующие механизмы символизации в различных областях культуры» (с. 32). Это можно проиллюстрировать на материале из тех же, казалось бы, столь разных по своей природе культурных областей.

Так, если речь идет о структуре текста литературного журнала, подразумевающего включение в единое текстуальное пространство множества потенциально самостоятельных текстовых целостностей, относящихся к самым различным дискурсам, резко актуализируется вопрос обеспечения смысловой коммуникации как на уровне структуры журнального текста, так и на уровне структуры инкорпорированных в него текстов разной дискурсивной принадлежности. Онтологически целое структурируется частями в том смысле, что с опорой на гомологию структуры мы можем сравнивать различные «закодированные» уровни реальности (о специальном значении кода мы писали выше). В этом вопросе мы придерживаемся точки зрения П. Рикера (2002), который говорил о том, что «не может быть осознания смысла без хотя бы минимального понимания структур» (с. 94-96).

В случае с математической реальностью это также иллюстрируют приведенные выше примеры с номером телефона или сложением целых чисел. Более глубокую и сложную экспликацию описывает Н. Мулуд (1973): «Структура не может сразу выступать в том обобщенном виде, в каком ее берет аксиоматика, для целей формального описания. Эксплицирование ее связано с наличием многообразных практических реализаций... дающих мышлению овладеть областью объектов» (с. 55). Это «овладение» сразу *целой* формальной областью математических объектов представляет большую ценность для математики, как в методологическом, так и в эвристическом отношении. Более того, в современной философии математики все чаще онтологический статус математических объектов определяется в непосредственной связи с их знаковой формой, имеющей смысл только благодаря месту знаков и их комбинаций в *структуре* теории.

Заключение

Подобно тому, как в «закодированном» математическом тексте может идти речь об объективной соположенности подлежащих счету (или интервальной оценке) разрозненных в том или ином отношении объектов, в литературном тексте может присутствовать множество различных типовых символизаций таких гуманитарных явлений, как, например, жизнь и смерть. Однако и в том, и в другом случае мы всегда имеем возможность постижения *единого* смысла, будь то доказательство теоремы или осознание трагедии (чуда) конца или начала конкретной жизни соответственно. Онтологический анализ различных культурных явлений свидетельствует о возможности получения положительных результатов в данной исследовательской области в противовес ставшему «модным» плюрализму прочтения истории, морали, религии, на деле чаще всего означаемому постсовременное бесплодие анархии как научного смысла, так и осмысления научности как таковой.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в углублении категориального анализа символического кодирования текста с привлечением систем гносеологических, модальных и других философских

категорий, а также расширении объекта исследования путем включения в рассмотрение произведений живописи, скульптуры, театрального и киноискусства, медийных текстов.

Источники | References

1. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3-х т. М. - СПб.: Университетская книга, 2002. Т. 1. Язык.
2. Лагутина И. Символическая реальность Гете. Поэтика художественной прозы. М.: Наследие, 2000.
3. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У. Фактория, 2005.
4. Мулуд Н. Современный структурализм. М.: Прогресс, 1973.
5. Пигалев А. И. Культура как целостность: методологические аспекты. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2001.
6. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002.
7. Сагатовский В. Н. Философские категории: в 2-х ч. СПб.: СПбНИУ ИТМО, 2011. Ч. 1. Онтология.
8. Стройк Д. Я. Краткий очерк истории математики. М.: Наука, 1990.
9. Тимофеев И. С. Методологическое значение категорий «качество» и «количество». М.: Наука, 1972.
10. Тюпа В. И. Художественный дискурс: введение в теорию литературы. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2002.
11. Фосс А. Сущность математики. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
12. Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб.: Академ. Проект, 2004.

Информация об авторах | Author information

RU

Букин Дмитрий Николаевич¹, д. филос. н., доц.

Медникова Юлия Ивановна², к. филол. н., доц.

Млечко Александр Владимирович³, д. филол. н., проф.

^{1,2} Волжский филиал Волгоградского государственного университета

³ Волгоградский государственный университет

EN

Bukin Dmitry Nikolaevich¹, Dr

Mednikova Yulia Ivanovna², PhD

Mlechko Alexandr Vladimirovich³, Dr

^{1,2} Volzhsky branch of Volgograd State University

³ Volgograd State University

¹ hetfieldukin@mail.ru, ² yul.mednikowa@yandex.ru, ³ mlechko@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 19.10.2021; опубликовано (published): 20.11.2021.

Ключевые слова (keywords): онтология; символ; текст; культура; категория; ontology; symbol; text; culture; category.